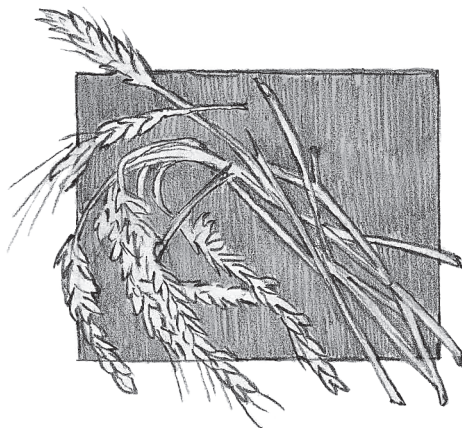

ПРОЛОГ

Старики рассказывали об этом так: в конце лета, вскоре после того дня, когда начинают печь хлеб из зерна нового урожая, один юноша заблудился в холмах. Быть может, после деревенского праздника, на котором парни хвастались, как водится, силой и удалью, он чувствовал себя особенно храбрым, а может быть, не обошлось тут без недобрых чар, но взбрело же ему в голову пойти вслед за черной птицей, которую он повстречал на окраине деревни. Птица была вроде ворона, только очень уж большая, и глаза у нее отливали золотом, вот он и подумал — не иначе как сторожит она где-нибудь на холме или в лесу чудесный клад. Теперь главное не упустить ее, дожждаться, когда она сядет наземь, схватить и не выпускать из рук, пока не укажет птица дорогу к сокровищу. Птица, конечно, оказалась

хитрее: перепархивала себе с камня на камень, с куста на куст, а потом, как стало смеркаться, взмахнула крыльями и улетела. Пешком за ней разве угонишься? Тут-то парень и смекнул, что попал в беду: места кругом незнакомые, солнце село, да еще и волки стали подвывать. Направо болото, налево овраг — некуда податься.

Испугался парень, стал кричать — вдруг отзовется добрый человек, выведет на дорогу? Вышла к нему из березняка девушка — видно сразу, что непростая: волосы черные, как вороново крыло, глаза золотом отливают, платье длинное, а за сучки не цепляется, подол словно сам по земле плывет. Спросила: «Как забрел ты в мои владения и зачем меня беспокоишь?» Юноша взмолился, чтоб вывела она его на тропу или дала приют до утра — худо человеку ночью без пристанища. Согласилась девушка, но сказала, что даром помогать не станет. Парень со страху клянется божиться, сулит ей стадо овец пригнать или лучшего отцовского быка. А девушка говорит: «Не надо мне твоих овец и быков, у меня в лесу свои стада. Сделай меня своей женой, тогда будешь жив». Парню девушка приглянулась, протянул он ей руку и обещался; тогда отвела она его к себе домой, и пробыл он там до рассвета, а поутру вернулся в деревню. Отец с матерью стали расспрашивать, где ночью был, да он как-то отговорился — мол, заснул после праздника в чужом амбаре.

День прошел, другой, там и год минул — и пришла в деревню прекрасная девушка, волосы черные, как вороново крыло, глаза золотом отливают. Не одна

пришла — с ребенком на руках. Прямо в дом, где жил ее нареченный, явилась и сказала: «Прими своего сына, муж мой, пусть он растет среди людей». Отец с матерью испугались чуть не до смерти, а как опаматовались, сказали твердо: не будет того, неведомому отродью в деревне не место. Парень, может, и согласился бы взять ребенка, да против родительской воли идти не посмел. Только и сказал: «Иди своей дорогой, а что меж нами было — забудь, нет у меня ни жены, ни сына». Тогда уронила девушка на лицо ребенка две слезинки и предрекла обманщику великое горе. Тут вспыхнуло пламя в очаге и погасло, а когда зажгли свечу и осветили комнату, увидели, что пропала гостья вместе с младенцем, и следа не осталось.

Так и вышло, как она сказала: года не прошло, слег парень в горячке и помер, а за ним и мать с отцом с тоски по единственному сыну. Юноша-то был и смельчак, и красавец, и работник на все руки, и невесту ему подыскиали, да вот не судьба.

Много лет с тех пор минуло, уж и забыли все о том. Да вот однажды, незадолго до того дня, когда пекут хлеб из нового зерна, налетела на деревню стая злых черных ворон. Не пришлось людям собрать урожай: истребили птицы все до колоска. Отгоняли их камнями и палками, многих убили, но всю стаю одолеть не смогли. Собрались тогда люди на сход, посудили и решили так: чем помирать голодной смертью, надо перебираться в другие края. Место это, видно, проклято, и не будет здесь удачи. Никто такого прежде не видал, чтоб вороны клювами колосья выдергивали и лапами в землю втаптывали. Так и не стало

деревни, разбрелась вся. Теперь уж небось и дома повалились, поле кустами поросло. И памяти никакой не осталось!

В старину говорили: держи слово, кому бы ты его ни дал — человеку, зверю или жителю Холмов.

ГЛАВА I

В каменной лачуге, какие строят себе звероловы и пастухи, у огня сидел старик. Лицо у него было морщинистое, цвета дубленой кожи. Жилистая рука, похожая на узловатый корень, лежала на рукояти посоха. Но среди седых волос, похожих на спутанную пряжу и спускавшихся почти до пояса, виднелись черные пряди. Старик был дряхл, однако сидел прямо и смотрел ясно. Старость не лишила его сил, хотя и оставила глубокие морщины на лице. Губы его беззвучно шевелились, и этим он тоже был похож на всех стариков, которые греются вечером у огня.

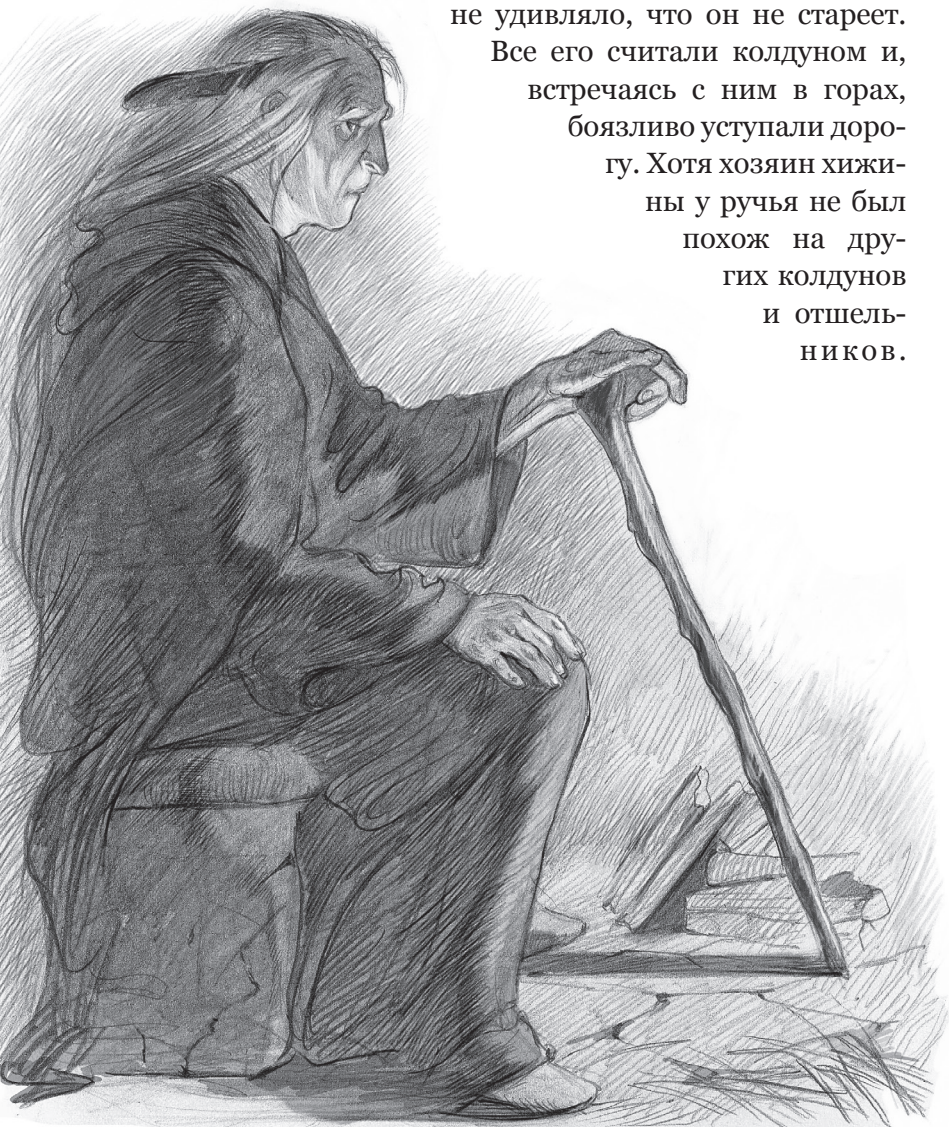
Почти семьдесят лет он прожил в этой хижине в горах. И вот что странно — никто не застал его юношей или хотя бы мужчиной средних лет. Три поколения окрестных пастухов и звероловов помнили его стариком, как будто этот странный человек никогда и не был молод.

Дряхлели и умирали они сами, рождались и выросли их дети и внуки. А тот, кто обитал в хижине у ручья, в конце узкой горной тропы, оставался все так же сед и так же прям. Пускай он и ходил, опираясь на посох, — это было больше для вида, чем по необходимости.

К нему привыкли, и никого уже не удивляло, что он не стареет.

Все его считали колдуном и, встречаясь с ним в горах, боязливо уступали дорогу. Хотя хозяин хижины у ручья не был похож на других колдунов и отшельников.

Он не лечил, не помогал советом, не предсказывал будущее, но зато и не трогал никого, не наводил порчу, не морил скот. Разве что любил пугнуть, если незваные гости подходили слишком близко.

Старик жил один. Сам собирал хворост, сам носил воду, сам себе стряпал на очаге. И надо сказать, в котле у него кипела вовсе не жалкая похлебка из кореньев. Охотой он мог бы добыть и оленя, но предпочитал кроликов и куропаток — такую добычу, которую можно поймать самому, не прибегая к оружию. В человеческом обличье он охотиться не любил.

Его мать была девой-птицей из свиты Королевы Холмов, а отец — смертным. Так появился на свет бессмертный перевертыш, получеловек-полуптица — Ворон.

Матери Ворона пришлось носить дитя в человеческом облике — ей ведь предстояло дать жизнь человеку, а не птице. Человеческое тело оказалось слишком слабым — после рождения сына она начала угасать. Ворону рассказывали: отец отрекся от него, едва увидел, и отцовы родичи прогнали мать с ребенком на руках из деревни. Предательство подкосило ее окончательно, оправиться она так и не смогла. Мальчика вырастили девушки из свиты Королевы.

Дикие вороны не приняли бы полукровку как равного и не стали бы слушать. Зато у него хватило сил и сметливости, чтобы добиться уважения двоюродных братьев и сестер — воро́н. Среди них он и завел себе друзей. И спустя много лет, когда его стая сделалась велика и сильна, наконец отомстил за мать — навел воро́нью стаю на деревню и на корню истребил весь урожай.

Старик сидел, глядя на огонь, над которым в котелке булькала похлебка. Он даже не дрогнул, когда распахнулась дверь. Дохнуло холодом, и порог перешагнул рослый одноглазый молодец. Это был Ураган из свиты Короля. Ему пришлось пригнуться, чтобы не удариться о низкую притолоку. Старик невозмутимо помешал ложкой в котелке.

— Я за тобой, Ворон, — гулко сказал Ураган.

— Я знаю.

Брызнули искры, и появилась высокая светловолосая женщина — Гроза, сестра Урагана.

— Возьми с собой то, что сочтешь нужным, и пойдем, — приказала она. — Тебя ждут.

— Неучтиво торопить старика, который расположился поужинать. Я сегодня натрудился и проголодался, — ответил тот, к кому она обращалась.

Ураган и Гроза промолчали. Они неподвижно стояли у порога, пока старик неспешно хлебал суп и обгладывал птичьи косточки.

Король неспроста прислал за ним этих двоих. Их с Вороном разделяла давняя вражда, и, если бы он теперь заупрямился, Гроза и Ураган притащили бы его к Королю силой. Ведь именно из-за Урагана Ворон семьдесят лет назад оказался здесь, в горах... Отчасти он сам навлек на себя немилость. Ворон всегда был боек на язык, и его шутки не отличались добротой. На пирах, в присутствии Короля, он с удовольствием доводил Урагана до бешенства. Однажды тот особенно сильно вспылil и заметил, что негоже сыну смертного задирать нос перед жителями Холмов. Ворон был так оскорблен грубым напоминанием о своем

происхождении, что немедленно обратился в птицу и клювом выбил Урагану глаз. За это и поплатился: государь изгнал его из свиты, несмотря даже на заступничество Королевы.

Ворон, впрочем, не возражал: ему нравилось уединение. И вот он снова прогневал Короля.

Ворон закончил ужин и встал, опираясь на посох.

— Я готов.

— Сколько двоюродных братьев и сестер ты погубил ради мести? — спросил Король.

Старик поклонился, насколько позволила окостеневшая спина. Он ничего не ответил, но черных прядей в его волосах стало намного больше. В углу зала захлопали крылья, и на плечи ему опустились две вороны. Только тогда на губах старика показалась улыбка, как будто он встретил любимых друзей. В следующее мгновение вместо старика перед Королем оказался невысокий темноволосый мужчина: по человеческому счету еще молодой, худощавый, с упрямой складкой на лбу, в простой одежде охотника. Такой облик Ворон принимал при дворе Короля, если неудобно было оставаться птицей.

Почти до пола тяжелыми складками спускался черный плащ, заколотый на плече серебряной пряжкой в виде птичьего крыла. По шее змеился шрам — еще одно напоминание о бурных годах молодости. Когда-то Ворон сошелся в смертельном бою с вожаком стаи за молодую ворону по имени Морна. Тот вожак не уступал сопернику в силе: его кривые когти, похожие

на рыболовные крючки, чуть не разорвали ему горло. И все-таки Ворон завоевал себе красавицу Морну и летал с ней два лета, пока ее не растерзал филин.

Ворон ненавидел филинов.

Король нахмурился и махнул рукой. По залу пронёсся морозный ветер. С плеч Ворона сорвало плащ, сбросило друзей-ворон. Они хлопали крыльями и тщетно пытались справиться с бешеным напором этого ветра, швыряющего их, как пушинки.

Перед Королем стоял теперь юноша лет пятнадцати. По доброй воле Ворон не принял бы этот облик, но Король, очевидно, был в гневе и хотел напомнить ему, кто тут старший.

— Не шути со мной, Крылатый, — предупредил Король, опуская руку.

— Ты будешь судить меня? — спросил тот.

— Не знаю, Ворон, — искренне ответил Старейший. — Объясни, зачем ты выгнал людей из деревни? Зачем лишил их хлеба и крова?

— Я отомстил тем, кто нарушил слово. Тем, кто выставил за порог женщину с ребенком. Если бы моей матери нельзя было вернуться в Холмы, если бы ее не приняли при дворе Королевы, она умерла бы под открытым небом, а меня, наверное, растерзали бы волки! Она и так жестоко поплатилась за то, что связалась со смертным, а люди еще и приблизили ее смерть! Их следовало проучить. Зачем ты за них заступаешься? Справедливо ли это?

— Человека, который был виноват перед твоей матерью, судьба давно покарала за обман. По-твоему, этого мало?

— Зачем ты за них заступаешься? — упрямо повторил Ворон. — Это было мое дело.

Король вновь вскинул руку, и Ворон замолчал. Спорить со Старейшим можно было лишь до поры до времени. В гневе владыке Холмов ничего не стоило метнуть в ослушника копьё. От такого не оправился бы даже Ураган, а уж тем более Ворон.

— Наказание и месть должны быть соразмерны преступлению, — произнес Король. — Ты бы понимал это, будь ты полностью фазри. Будь ты до конца человеком, ты бы тоже это понимал...

Он помолчал и наконец выговорил:

— Ты человек, хоть и не полностью.

Ворон хрипло и отчаянно каркнул:

— Я Ворон!

— Ты сын человека!

Ворон опустил голову.

— Моя вина, что я позволил растить тебя здесь, а не подыскал тебе приемных родителей среди смертных, — продолжал Король. — Если бы ты вырос среди своего народа, ты не презирал бы людей.

— Я их не презираю. Мне нет до них дела.

— Ты их не знаешь.

— Да. Разве это преступление?

Король вздохнул.

— Послушай, Ворон. Ты наказал тех, кто этого не заслуживал. Ты наслал голод на деревню, которая давно расплатилась за то, что сделал твой отец. Тот, кто имеет большую силу, не должен действовать впопыхах. Мало того что ты расправился с людьми — ты и собственных друзей не пощадил, погубил половину стаи,

лишь бы добиться своего! Ты говоришь, что тебе нет дела до смертных — но тебе и до нас нет дела.

— Не вы ли, — тихо спросил Ворон, — твердили мне с детства, что я — не вашей крови?

Он снова каркнул, и над его головой несколько раз хлопнули крылья. Друзья не решались приблизиться. Они боялись гнева Короля, но все-таки давали понять: мы здесь, рядом.

— И что теперь? — спросил Ворон.

— Ты уйдешь к людям. Довольно одиночества, Крылатый. Живи среди людей. Тебе нужно учиться.

— Это навсегда?

— Пока я не решу иначе.

Ворон хлопнул себя ладонью по груди:

— Ты пошлешь меня к смертным... в этом обличье? — поинтересовался он, не скрывая неприязни. — Я приду к ним мальчишкой, недостойным уважения? Позволишь ты мне повзрослеть и набраться сил, владыка?

— На твой первый вопрос я отвечу — да.

— Мне... — Ворон нагнулся за упавшим плащом, скрывая внезапно подступивший страх. — Мне придется отказаться от Даров фазри?

— Да, но не вполне. Сделать тебя обычным человеком я не могу — зато могу ограничить в Дарах. Трижды за то время, пока ты будешь жить среди людей, я позволю тебе превратиться в птицу. И побыть ею ты сможешь лишь один полный день. Используй этот Дар только при крайней надобности.

— А если я сделаю это в четвертый раз, что будет со мной?

— Тебе не нужно этого знать, Ворон.

— Ты жесток, Старейший.

— Нет, я мудр. Кроме того, можешь просить — я выполняю три твоих желания. Подумай хорошенько, что тебе нужно.

— Оставь мне умение разговаривать с птицами.

— Нет, Ворон, нельзя. Ты злоупотребил этим умением, чуть не погубив стаю. Твои родичи впредь не должны гибнуть из-за тебя.

Крылатый криво улыбнулся.

— Я уже истратил зря одно желание?

— Нет. Проси, — великодушно сказал Король.

— Позволь моим друзьям навещать меня хотя бы иногда.

Он поднял голову, и одна ворона спустилась к нему на плечо. Чуть помедлив, к ней присоединилась вторая.

— Позволяю. Что еще?

— Дай мне оружие.

— Ты получишь меч, если хочешь.

— Да, хочу.

— Что еще?

Ворон ненадолго задумался.

— Дай мне умение понимать человеческие шутки. Насколько я знаю людские обычаи, это может оказаться полезным.

Теперь уже Король не сдержал улыбки.

— Да будет так. Прими свое человеческое имя, Бреннан, сын Брёнаг.

И в третий раз Ворон издал короткое злое карканье.

— Ты обрекаешь меня на смерть, государь.

— Нет, Бреннан. Я обрекаю тебя на жизнь.